

ся, что некоторые «имена неодушевленные» принимают такие же окончания, как и «одушевленные», либо унаследовав их от времен, когда люди «приписывали им душу» (le attribua l'âme), либо были созданы по аналогии с «одушевленными».

Совершенно очевидно, что старательно описывая «естественный род» и не отступая от этого понятия даже при рассмотрении «несоответствий», составители оказались в плену устаревших представлений о грамматической категории рода и не раскрыли ее основного содержания как средства выражения предметного значения имен существительных.

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемый труд, содержащий обстоятельное и в большинстве случаев квалифицированное описание грамматического строя румынского языка, является очень ценным вкладом в румынское языкознание и несомненно в полной мере характеризует новый этап его развития. Вместе с тем, его недостатки свидетельствуют о настоятельной необходимости для лингвистов Румынской Народной Республики усилить внимание к разработке общелингвистических проблем в свете марксистско-ленинского учения о языке.

В. А. Лисицкий

W. Merlingen. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen. — Wien, Gerold und C^o, 1955. 56 стр.

Лингвистические и археологические открытия последнего времени сделали возможным решение наиболее сложных вопросов древней истории Эгейского мира. Ставшие доступными для исследования памятники крито-микенской письменности по-новому освещают происхождение гомеровского эпоса, ранние этапы развития древнегреческих диалектов и расселение их носителей. Каждое исследование, посвященное этим проблемам, привлекает к себе особое внимание.

Книга В. Мерлингена является продолжением целого ряда исследований В. Георгиева, в которых было установлено наличие в греческом языке значительного числа заимствований из «догреческого» индоевропейского языка¹. В. Мерлинген справедливо отмечает большое теоретическое значение работ В. Георгиева, обнаружившего следы ранее неизвестного индоевропейского языка («догреческого») посредством сравнительно-исторического анализа слов, заимствованных из этого языка другим (древнегреческим). В. Мерлинген считает, что такой принципиально новый способ обнаружения следов исчезнувшего языка путем изучения заимствований из этого языка в другой язык делает открытие В. Георгиева по меньшей мере столь же значительным, как закон Вернера или закон палатальных (стр. 3)².

Концепция «догреческого» языка в работах В. Георгиева постепенно изменялась по мере накопления новых фактов. Отказавшись от своей первоначальной гипотезы об иллирийском характере этого языка, В. Георгиев на протяжении ряда лет продолжал отстаивать положение о том, что «догреческий» язык был языком крито-микенской письменности³. В настоящее время он признает, что эта гипотеза опровергается расшифровкой крито-микенских памятников линейного письма В, язык которых оказался древнегреческим⁴.

Но в то же время результаты расшифровки крито-микенских текстов не противоречат теории о существовании «догреческого» языка, известного не из письменных памятников, а лишь благодаря словам, проникшим из этого языка в греческий. Исследование таких слов доказывает реальность существования «догреческого» языка, но вопрос о его носителях остается дискуссионным. Поэтому В. Мерлинген выступает правильно, разграничивая две стороны проблемы «догреческого» языка: в первой части его исследования (стр. 1—31) изучаются характерные черты «догреческого» языка, во второй же части (стр. 32—53) рассматриваются те данные лингвистики и истории, которые, по мнению автора, могут быть использованы для определения носителей этого языка.

Первая часть книги В. Мерлингена посвящена главным образом вопросам фонетики и этимологии. На большом материале Мерлинген доказывает принадлежность

¹ См. краткое изложение итогов этих исследований в статье В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков» (ВЯ, 1954, № 4, стр. 58—59).

² Здесь и далее в тексте в скобках даются ссылки на страницы книги В. Мерлингена.

³ См. рец. Б. В. Горнунга на кн. В. Георгиева «Проблемы микенского языка» (ВЯ, 1954, № 2).

⁴ Ср. Вл. Георгиев, Введение в чтение и толкование крито-микенских надписей, ИАН ОЛЯ, 1955, вып. 3, стр. 271.

«догреческого» к числу языков *sašm* (стр. 16—26). Примеры, подтверждающие это положение, могут быть упомянуты: к словам, приводимым Мерлингеом, можно прибавить глоссу Геския *σρασι*: *τραξσι* «позовки», где засвидетельствовано догреческое название «позовки» *σρασα* (из *ḥorsā), родственное латинскому *currus* (из *ḥrsus) и ирландскому *carr* (из *ḥrso)¹. В. Мерлинген показал, что в греческих словах догреческого происхождения индоевропейские палатальные чаще всего отражаются в виде *σ* (причем одинаковое отражение глухих и звонких может быть связано с передвижением согласных в догреческом). Но некоторые вопросы, связанные с развитием индоевропейских палатальных в догреческом, еще нуждаются в уточнении. Объясняя геминацией появление *σσ* на месте индоевропейского палатального (стр. 26), Мерлинген не распространяет это объяснение на *κρσσβ*; «кувшин» (стр. 18). Между тем удвоение *σσ* в этом догреческом слове можно сравнить с геминацией в родственном древнеанглийском *scossa*, *crohha*². Мерлинген отрицает предполагаемое в некоторых случаях Георгиевым развитие палатального в интердентальный спирант, что заставляет его сомневаться в догреческом происхождении таких слов, как *δσσ* «воровать» (стр. 56), и *τρσνσς* «царь, тиран»³ (стр. 23, прим. 17-а). Но догреческие слова дошли до нас только через посредство другого языка с иным звуковым строем. Поэтому нельзя считать исключенным то, что в этих словах могли произноситься спиранты или аффрикаты, передаваемые либо греческим спирантом *σ*, либо греческим смычным (например, *τ*). В этой связи следует напомнить, что еще Э. Сепир, высказывая предположение о принадлежности догреческого и филистимского языков к анатолийско-эгейской группе индоевропейских языков и сравнивая с догреческим *τρσνσς* встречающийся в древнееврейских текстах титул филистимских царей *sarn-*, предполагал для этого филистимского слова происхождение **tsarn*⁴ (с начальной аффриктой *ts*).

Значительный интерес представляет данный Мерлингеом анализ истории фонемы *s* в греческом языке (стр. 27—30). Мерлинген указывает, что в древнейший период развития греческого языка *s* и *h* были позиционными вариантами одной фонемы (при этом Мерлинген ссылается на аналогичные факты эвского языка, используя работы советских филологов, в частности Л. Р. Зиндера). Согласно Мерлингену, возможность употребления *s* в любой позиции появилась в результате позднейшего влияния догреческого языка на греческий. Сохранение интервокального *-s-* в окончании дательного падежа множественного числа основ на *-eu-* при обычном отсутствии интервокального *-s-* в языке древнейших греческих текстов, написанных линейным письмом В, Мерлинген объясняет догреческим происхождением основ на *-eu-* (стр. 30). По отношению к надежному окончанию такое объяснение нельзя считать единственно возможным, так как здесь вероятно и действие аналогии: ср. единичные формы дательного падежа множественного числа на *-eu-si* (*-ευσι*), основы на *-ε-*) и на *-te-si* (*-τῆσι*, основы на *-τῆ-*) в греческих текстах линейного письма В⁵. Но гипотезу Мерлингена о сохранении интервокального *-s-* в основах на *-eu-* можно было бы использовать для объяснения встречающегося в филистимских табличках линейного письма В существительного *ki-ri-se-we*, интерпретируемого Вентрисом и Чадвиком как *ḥrσσḥ «те, кто умащают»⁶ (ср. *ḥrσ* «умащать»).

¹ Ср. об этимологии этого слова: O. Lagercrantz, *Zwei griechische Fremdwörter*, «Indogerm. Forschungen», Bd. 25, Teil I, 1909, стр. 367—370; W. Porzig, *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*, Heidelberg, 1954, стр. 102.

² См. о фонетических особенностях германских и кельтских слов этого корня у Ж. Вандриеса (J. Vendryes, *A propos du mot «ρωσος», «Choix d'études linguistiques et celtiques», Paris, 1952*). Но ср. также объяснение А. Ван Виндекена (A. J. Van Windeken, *Zur pelagischen Wortforschung*, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», Bd. 72, Heft 3/4, 1955, стр. 209—211).

³ См. объяснение этих слов как догреческих в статье В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков», стр. 59 и 60.

⁴ См. E. Sapir, *Hebrew 'argiz, a Philistine word*, «Journal of the American Oriental Society», vol. 56, № 2, 1936, стр. 279, примеч. 23. В указанной статье Сепир предположил индоевропейское происхождение слова *sarn-*, но не дал ему этимологического объяснения; индоевропейская этимология этого слова была позднее дана В. Георгиевым (см. V. Georgiev, *Sur l'origine et la langue des pélasgues, des philistins, des danaens et des achéens*, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd. I, Heft 2, Heidelberg, 1950, стр. 138—139).

⁵ M. Ventris and J. Chadwick, *Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives*, «The Journal of Hellenic studies», vol. LXXIII, 1953, стр. 95 и 97.

⁶ Там же, стр. 97; В. Георгиев, *Нынешнее состояние толкования критоминойских надписей*, София, 1954, стр. 80. Ср. об интервокальном *s* в этом слове P. Chantraine, *Le déchiffrement de l'écriture lin aire B à Cnosos et à Pylos*, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», t. XXIX, fasc. 4, Paris, 1955, стр. 28.

Для сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков существенно то, что в ряде слов θ , считавшееся ранее греческим отражением индоевропейского глотального придыхательного *th, может быть объяснено как догреческое отражение индоевропейского *t (стр. 9—10). Поскольку глухие придыхательные в древнеиндийском также могут быть объяснены как результат вторичного развития (связанного с воздействием исчезающих «ларингальных» и с влиянием субстрата), в настоящее время нельзя считать достаточно обоснованной гипотезу о существовании глухих придыхательных в общиндоевропейском языке.

При изучении развития придыхательных согласных в греческих словах, заимствованных из «догреческого», большое значение имеет установленное относительной хронологии различных фонетических явлений. В. Георгиев показал, что в этих словах диссимилиация придыхательных осуществлялась в два разных периода: до передизвижения согласных в «догреческом» и после этого передизвижения. Оба диссимилиативных процесса Георгиев считал догреческими¹, Мерлинген же полагает, что образовавшиеся после догреческого передизвижения согласных придыхательные подверглись «греческой диссимилиации придыхания» (стр. 3). Псевдимиуму, Мерлинген считает, что вторая (более поздняя) диссимилиация произошла уже после заимствования «догреческих» слов в греческий язык, но в таком случае ему не следовало бы приводить это явление в качестве одного из фактов фонетической истории «догреческого» языка.

Более детальное рассмотрение этих явлений в книге Мерлингена было бы в особенности желательным потому, что данные факты имеют большое значение для решения обсуждаемого в книге вопроса о времени взаимодействия греческого и «догреческого» языков. Против предположения о том, что образовавшиеся после передизвижения согласных придыхательные диссимилировались еще в «догреческом», говорит наличие диалектных вариантов «догреческих» слов, где такие согласные не диссимилировались: аттич. *Φαρθίνε*, аркадск. *φαρθίνε* при обычном *φάρθινος* «дева» (стр. 5, прим. 7); ср. *Φαρθίνε* при гомеровском *Περσεφόνεια* «Персефона» (стр. 7). Поэтому можно думать, что, например, индоевропейское *tokus (др.-индийск. *taku-h* «быстрый») имело в догреческом форму *thakhus и только после заимствования его греческим языком осуществлялась диссимилиация *θαχύς > *ταχύς* «быстрый» в соответствии с законами фонетического развития греческого языка (ср. форму сравнительной степени *θίσσον*, доказывающую существование начального θ в этом слове уже после заимствования его греческим языком). Следовательно, проникновение многих догреческих заимствований в греческий язык можно с известным вероятием отнести к эпохе, предшествовавшей диссимилиации придыхания в греческом, т. е. к очень раннему периоду развития греческого языка.

В первой части книги Мерлингена дается ряд новых этимологий греческих слов, объясняемых как «догреческие» (в том числе такие убедительные сопоставления, как *κύβος* «жюльды»: нем. *Eichel*, «орешек», стр. 10), а также приводится список наиболее достоверных догреческих слов из числа обнаруженных ранее В. Георгиевым и Ван Виндекенсом. Однако этот список нельзя считать исчерпывающим. В нем отсутствует, например, сравнение глагола **ku-ve-s-* «целовать» (реконструированного Кречмером и другими лингвистами на основе гомеровского *κύβω* «целую»: *κύβωσα* с немецким *küssen*², между тем общиндоевропейский характер этого глагола подтверждается сравнением с хеттским *kuṣaṣ-* «целовать»³.

На основании исследований в книге фактов Мерлинген приходит к выводу, что «догреческий» язык отождествить ни с одним из известных индоевропейских языков (стр. 41—42). Особенно существенно то, что по своим характерным фонетическим чертам «догреческий» отличается от иллирийского и фракийского языков. Но, определяя место «догреческого» языка среди других родственных языков, Мерлинген склонен преувеличивать значение того, что «догреческий» принадлежит к числу языков *satəm* (ср. стр. 16). При изучении развития палатальных в индоевропейских языках можно обнаружить значительное число противоречивых фактов. Родственные слова могут быть представлены в близких языках и даже в одном и том же языке и с отражением палатальных по типу *sentim* и с отражением палатальных по типу *satəm*; ср., например, индоевропейское название «рога», к которому восходит клинописное хеттское

¹ V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Lief. I, Sofia, 1941, стр. 72. Ср. A. J. Van Windekens, *Le prélasgique*, Louvain, 1952, стр. 20.

² См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Lief. I, стр. 90.

³ Ср. о связи *küssen* и хет. *kuṣaṣ-* E. Polomé, *Notes sur le vocabulaire religieux du germanique*, «La nouvelle Clio», t. VI, 1954, № 1—2, стр. 42. Сопоставление хет. *kuṣaṣ-* с итеративным глаголом на *-k-* *kuṣaṣk-* позволяет предположить, что *-k-* в *kuṣaṣ-* является древним суффиксом, так как суффиксы *-s-* и *-sk-* часто чередуются в производных от одного и того же корня в хеттском и других индоевропейских языках. В этом случае в догреческом **ku-ve-s-* имеется сочетание носового аффикса с суффиксом *-s-* того же типа, что и в «тохарских А» (карашарских) глаголах на *-naṣ-*, лувийских глаголах на *-neṣ-* и ведийских глаголах на *ni-s-*.

kaḡaḡar «рог»¹ и иероглифическое хеттское *ḡaḡana* «рог», русск. *корова* и *серна*, лит. *kārvė* «корова» и *stirna* «серна», иллирийск. *corn-, cor-* в собственных именах² и «догреческое» *στρυγί, ἔλαφος* («олени», глосса Гесихия). Поэтому классификация по данному признаку таких мало изученных языков, как иллирийский и «догреческий», крайне затруднительна.

Мерлинген указывает на сходство между «догреческим» и древнеиндийским языками в отношении диссимилиции звонких придыхательных и развития *bht > *bdh (которым Мерлинген на стр. 26—27 объясняет возникновение группы βδ³), но этого совершенно недостаточно для признания особой близости двух названных языков (стр. 42). Ввиду наличия общих для «догреческого» и германских языков фонетических черт (отражение слоговых сонантов типа *r > *ur*, передвижение согласных) представляют интерес отмечаемые Мерлингеном лексические связи между этими языками (стр. 13): к фактам, указанным Мерлингеном, следует присоединить очень показательное соответствие догреч. *σιῦν* «молчание» и др.-в.-нем. *swīgin* «молчать»⁴, а также сходство специфического употребления производного от основы **b^her²h* в значении «крепость» (гот. *burgs*, догреч. *πύργος*; ср. галльск. *-briga* в *Admageto-briga*⁵). Однако название «козы» **aiǵ-*, отраженное, по Мерлингену, в «догреческом» (стр. 26), в германских языках не встречается, но характерно для греческого, иранского, армянского и иллирийского⁶.

Во второй части книги В. Мерлинген излагает чрезвычайно спорную гипотезу о том, что «догреческий» язык был не субстратом, а суперстратом для греческого. Из этого В. Мерлинген делает вывод, что на «догреческом» языке говорили ахейцы — носители микенской культуры. Очевидное противоречие между этой гипотезой Мерлингена и результатами расшифровки крито-микенских текстов, написанных по-гречески, не может быть устранено предположением о том, что греческий язык в Микенах был только языком писцов (стр. 45). Выказывая это предположение, В. Мерлинген не рассматривает специально вопроса о распространении крито-микенской письменности. Следует признать, что данный вопрос остается очень сложным. Если Уэйс объясняет случайностью и способом ведения раскопок отсутствие входов письменных памятников во дворцах континентальной Греции микенского периода⁷, то Нильссон склонен придавать этому обстоятельству большое значение. Согласно Нильссону, сходство иносских табличек на Крите и пилосских на континенте объясняется особенно тесной связью Кносса и Пилоса; поэтому не случаен тот факт, что, за исключением Пилоса, ни в одном месте континентальной Греции большие архивы не обнаружены (иричем в Микенах таблички были найдены только в «доме торговца»)⁸.

Спор между Уэйсом и Нильссоном может быть решен только после дальнейших археологических исследований, но во всяком случае нет необходимости прибегать к гипотезе о том, что язык писцов был отличен от языка основной массы населения Микен. То, что носители микенской культуры говорили на греческом языке, подтверждается многообразными фактами; в этой связи особый интерес представляет обнаружение значительного сходства между языком и стилем крито-микенских таблиц линейного письма В и языком гомеровского эпоса⁹. Предположение о том, что греки в микенский период были под властью носителей «догреческого» языка, противоречит данным письменных источников, свидетельствующих о могуществе греков, которые захватили

¹ См. об этом хеттском слове Н. Оттен, [Рец. на кн.:] J. Friedrich, *Hethitisch-Wörterbuch*, «Zeitschrift für Assyriologie», N. F., Bd. 17(51), Mai 1955, стр. 275.

² W. Porzig, указ. соч., стр. 149, 175 и 216.

³ Независимо от Мерлингена к выводу о догреческом происхождении группы βδ в ряде греческих слов пришел Дериуа (см. L. Deriu, *Les mots grecs du type πτολις et la spirante dentale indo-européenne*, «L'antiquité classique», t. XXIII, fasc. 2, 1954, стр. 311).

⁴ Это соответствие дополняет картину распределения по индоевропейским языкам глаголов со значением «молчать», которая обрисована В. Порцигом (см. W. Porzig, указ. соч., стр. 107 и 215). О лексических связях «догреческого» и германских языков ср. A. J. Van Windekens «Zur pelagischen Wortforschung», стр. 241.

⁵ Ср. W. Porzig, указ. соч., стр. 173.

⁶ Там же, стр. 163; ср. стр. 114 и 181.

⁷ A. J. B. Wace, *The discovery of inscribed clay tablets at Mycenae*, «Antiquity», № 106, June 1953, стр. 84.

⁸ P. Nilsson, *Das frühe Griechenland, von innen gesehen*, «Historia», Bd. III, Heft 3, 1955, стр. 259. Ср. об ограниченном распространении письменности в материковой Греции S. Dow, *Minoan Writing*, «American journal of archaeology», 1954, № 2, стр. 121.

⁹ Ср. T. V. L. Webster, *Homer and the Mycenaean tablets*, «Antiquity», March 1955 (№ 113).

Кнос в позднемикенском II (или даже позднемикенском I) периоде¹. Диплена веских оснований и гипотеза о исчерпком характере языка ахейцев². При изложении проблемы имени «ахейцев» (стр. 40—41) необходимо было бы отметить, что в крито-микенских текстах линейного письма В обнаружена греческая форма *A-ka-wi-ja-de*, подтверждающая правильность отождествления клинописного хеттского *Ahhijaša* с греческим названием ахейцев³.

Противоречие между гипотезой В. Мерлингена и данными крито-микенских текстов привело к тому, что на одной и той же странице содержится два взаимоисключающих утверждения: в § 33 говорится о «кносском диалекте» греческого языка по отношению к текстам XIV—XIII вв. до н. э., а несколькими строками выше утверждается, что «прагреческий» язык распался на диалекты только после 1200 г. до н. э. (стр. 45). Однако в действительности для этого древнего периода можно предполагать слабую расчлененность только «южногреческих» (или «восточногреческих») диалектов, к которым относятся аркадский, диалект крито-микенских табличек и ионийский, но в то же время «южногреческий диалект» уже в тот период резко отличался от других диалектов⁴. П. Шантрэн даже видит в данных крито-микенской письменности подтверждение того, что разделение греческих диалектов предшествовало приходу их носителей в Грецию⁵.

Заслугой В. Мерлингена является то, что он использовал данные языка крито-микенской письменности для определения времени проникновения «догреческих» заимствований в греческий язык (стр. 42—43). С выводом В. Мерлингена о наличии этих заимствований уже в языке греческих текстов XV—XII вв. до н. э. следует согласиться. Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что к этому времени слова «догреческого» происхождения не только вошли в греческий язык, но и послужили для образования производных и сложных слов: *σὺς* «свинья» представлено не только в указанном Мерлингеном производном *σι-α-ε-ρο* (= *σι-α-ε-ρὸς* «свиный»), но и в сложном слове *σι-ρο-τα-ο* (= *σι-ρο-το-α-ο «свинопас») и *σι-το-ε-с* «хлеб» представлено в сложных словах *σι-то-ро-го* (= *σι-το-ρο-ε-с «пекать»), *σι-то-ко-во* (= *σι-το-χ-φο «хранительницы хлеба»). Возможность образования таких сложных слов, являвшихся устойчивыми терминами, показывает, что *σι-тос* и *сὺс* вошли в словарь греческого языка задолго до создания в XV—XII вв. до н. э. памятников крито-микенского линейного письма В. Этот вывод согласуется с предложенным выше определением ранней даты заимствования догреческих слов в греческий на основе фонетических данных (дассимиляция придыханий). Следовательно, гипотеза о проникновении этих слов в греческий язык в более позднюю эпоху доорийского вторжения⁶ должна быть отвергнута.

Мерлинген предполагает, что носители «догреческого» языка пришли в Грецию с севера (стр. 42). Для более детального изучения этой проблемы необходимо было бы исследование догреческой топонимики, которую Мерлинген специально не рассматривал⁷. В частности, представляется существенным то, что догреческие географические названия с суффиксом *-nd-** «*-nt-*» находят соответствие, с одной стороны, в древних малоазиатских названиях на *-nd-*, с другой стороны, в центрально-европей-

¹ См.: A. J. V. W a s e, The coming of the Greeks, «The Classical Weekly», vol. 47, № 10, 1954; Ch. G. S t a r r, The myth of the Minoan thalassocracy, «Historia», Bd. III, Heft 3, 1955.

² Ср. А. И. Т ю м е н е в, К вопросу об этногенезе греческого народа. Очерк П. Смысл первоначального распределения греческих племен в диалектах позднейшего времени и вопрос о языке вадийской микенской письменности, ВДИ, 1954, № 4.

³ См.: M. V e n t r i s and J. C h a d w i c k, указ. соч., стр. 89; J. C h a d w i c k, Greek records in the Minoan script, «Antiquity», № 108, 1953, стр. 199. Ср. В. Георгиев, Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей, стр. 43 и 72.

⁴ См. E. R i s c h, Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht, «Museum helveticum», vol. 12, fasc. 2, 1955, стр. 70—71.

⁵ См. P. C h a n t r a i n e, указ. соч., стр. 32.

⁶ Ср. об этом слове: P. C h a n t r a i n e, указ. соч., стр. 18 и 26; В. Георгиев, Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей, стр. 91.

⁷ «*boulangers*», перевод Шантрэна. См. P. C h a n t r a i n e, указ. соч., стр. 27. (По Вентрису и Чадвику — «*повар*», «*cook*». См. M. V e n t r i s and J. C h a d w i c k, указ. соч., стр. 96).

⁸ См. Б. В. Горнунг, [Рец. на кн.:] В. Георгиев, Проблемы микенского языка, ВД, 1954, № 2, стр. 108. Ср. Б. В. Горнунг, примеч. 58 к русск. переводу книги Э. Бенвениста «Индоевропейское именное словообразование» (М., 1955, стр. 255).

⁹ Собственно имена в книге Мерлингена рассматриваются только в связи с проблемами анализа личных имен; вопросы топонимики освещаются в последней работе по догреческой ономастике А. Ван Виндекенса (A. J. V a n W i n d e k e n s, Contributions à l'étude de l'onomaistique pélasgique, Louvain, 1954).

ских архаичных названиях рек с суффиксом *-*ni*¹. Это соответствие между топонимикой Центральной и Южной Европы позволяет очертить древнюю область распространения индоевропейских диалектов.

Решение вопросов, относящихся к истории носителей «догреческого» языка, в настоящее время затруднено ввиду скудности фактических данных. Этим, повидимому, объясняется крайне гипотетический характер второй части книги В. Мерлингена, отличающий ее от строго обоснованного изложения первой части. Но если исторические выводы автора остаются недоказанными, то как сведка важнейших лингвистических данных о догреческом языке книга В. Мерлингена является весьма полезной. Оригинальные труды В. Мерлингена по фонетике и этимологии «догреческого» языка, как и недавно опубликованные работы Ван Виаденкенса, свидетельствуют о быстром развитии этой новой области индоевропейской языковедения.

Влч. Вс. Иванов

Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. — М. — Л., 1954. 312 стр. (Якутский филиал АН СССР.)

Вышедшая недавно в свет книга Л. Н. Харитонova «Типы глагольной основы в якутском языке» рассматривает строение и состав глагольных основ в якутском языке.

Нет нужды говорить здесь о значении и актуальности данной темы. Это должно стать достаточно ясным, если учесть, что подобными исследованиями никто еще не занимался на материале якутского языка.

В результате огромной языкательной работы (главным образом по словарю Э. К. Пекарского) автор впервые наиболее полно описал состав и строение основных типов глагольных основ в якутском языке, а также определил удельный вес этих основ в словарном составе якутского глагола.

При этом автор обратил внимание главным образом на те явления, освещение которых вскрывает специфику якутского языка и определяет его отличие к другим языкам тюркской группы. Например, система звукоподражательных и образных глагольных основ, которые благодаря своей многочисленности составляют наиболее своеобразную черту словарного состава якутского глагола, описана автором с наибольшей полнотой и тщательностью; так же полно освещен вопрос об образованиях на *-аа* за счет заимствований и т. д.

Автор не ограничился изучением материала только по якутскому глаголу. В исследовании привлекается значительный сравнительный материал из других тюркских языков, что позволяет автору глубже проникнуть в структуру целого ряда корней, а главное — установить тюркское происхождение большинства глагольных корней, принадлежащих основному словарному фонду, и тем самым подтвердить несостоятельность мнения отдельных тюркологов (акад. В. В. Радлов и др.), согласно которому в основе якутского языка усматривался нетюркский субстрат.

В работе Л. Н. Харитонova получает новое освещение ряд вопросов, исследованных ранее. Так, вслед за В. В. Радловым и французским тюркологом Ж. Дени Л. Н. Харитонов приходит к выводу, что двусложные и многосложные корни в тюркских языках представляют собой результат осложнения односложных, что они могут быть квалифицированы как таковые только в плане синхронии, в плане же диахронии — это изолированные от системы семантически, но примыкающие к ней этимологически производные основы, нередко довольно легко поддающиеся этимологическому анализу. Правда, эта проблема и здесь полного освещения не получила, но она, благодаря данной работе Л. Н. Харитонova, приобрела весьма значительную базу для дальнейшего ее изучения.

Значительно продвинуты в работе вопросы, связанные с происхождением и развитием форм залогов в тюркских языках. Наблюдения автора на этот счет, в частности относительно формы повелительного залога (на *-р*), взаимного залога (на *-ыс*) и т.п., могут послужить предосновой для постановки и соответствующего разрешения указанной проблемы.

Вопреки утверждениям сторонников так называемого «нового учения» о языке, автор совершенно справедливо трактует глагол и имя в якутском языке как дифференцированные категории. Несмотря на отсутствие четких границ в части звуковой структуры, глагол и имя в якутском, как и во всех тюркских языках, представляют собой вполне самостоятельные категории, различающиеся не только лексико-семантически (назначение глагольной и им.ной основы) и лексико-грамматически, но и характеризующиеся соответствующими специфическими грамматическими категориями. Поэтому возможность взаимной трансформации без соответствующего

¹ См. об этих названиях рек Н. Крахе, *Sprachverwandschaft im alten Europa*, Heidelberg, 1951, стр. 17—19.